

**Юридическая наука и образование:
перспективы сотрудничества России и Китая
24 декабря 2021 г.**

Уважаемые коллеги!

Образовательное и научное взаимодействие - одно из наиболее перспективных направлений гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем. Как известно, в июне 2019 г. Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин в Москве подписали «Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», в соответствии с которым 2020–2021 гг. были объявлены годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества¹. Подписана также «Дорожная карта» научного и образовательного сотрудничества наших стран на период 2020-2025 гг.

Наша сегодняшняя конференция является логичным продолжением этой линии и, я надеюсь, внесет свой вклад не только в развитие контактов между юристами наших стран, но также даст интересные идеи и полезные практические рекомендации для совершенствования законодательства и управления.

Мы проводим конференцию на базе Центра сравнительного правоведения Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Для тех коллег, кто впервые участвует в наших совместных мероприятиях, напомню, что Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне был создан и активно развивается под неустанным попечительством лидеров России и Китая и является примером гармоничного сотрудничества двух стран в сфере высшего образования, науки и инноваций. Когда мы создавали совместный университет, нас часто

---

¹ Распоряжение Президента Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. № 436-рп «О проведении Годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества»

спрашивали – чем он будет отличаться от других? В чем его конкурентоспособность? Наш ответ такой: конкурентоспособность МГУ-ППИ состоит в сочетании двух моделей образования – российской и китайской, в той синергии, которая возникает от взаимодействия наших культур и традиций. Формула нашего университета – три языка (китайский, русский, английский) и два диплома: диплом совместного университета и диплом МГУ. Такие возможности открывают перед нашими выпускниками весь мир.

Очень важная особенность Университета состоит в том, что он расположен и действует в уникальном месте, которое имеет исключительные перспективы развития. Перед городом стоят новые задачи - Шэньчжэнь не просто является одним из участников амбициозного проекта «Район Большого Залива», но должен стать к 2025 году лидером в области инноваций, высоких технологий и охраны окружающей среды, образцом развития для других городов Китая и всего мира.

Как известно, Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета КНР приняли совместное решение об утверждении «Программы экспериментальной комплексной реформы в образцовой зоне опережающего развития строительства социализма с китайской спецификой в Шэньчжэне (2020-2025 гг.)». Этот важный документ содержит требования о расширении самостоятельности высших учебных заведений в Шэньчжэне и поддержке города во внедрении зарубежных высококачественных образовательных ресурсов, развитии китайско-иностранный сотрудничества на самом высоком уровне.

Наш Университет очень молодой, а потому часть запланированных направлений пока не созданы. Так, у нас ещё нет Юридического факультета – это дело будущего. Но то, что правовое образование и наука остро необходимы – это понимают все.

Именно поэтому, как я уже сказал, в 2020 году в Университете был открыт Российско-китайский центр сравнительного правоведения. О

значимости такого решения Университета говорит тот факт, что создание Центра вошло в список номинантов 10 самых влиятельных событий в юридической жизни Шэньчжэня. Это также – знак признания важности развития российско-китайского научного и образовательного сотрудничества в области юридических наук.

Решение двух канцелярий о повышении самостоятельности высших учебных заведений в Шэньчжэне дает нашему Университету дополнительные возможности. В частности, я уверен, что мы сможем решать очень многие вопросы более быстро, без излишних административных барьеров и бюрократических проволочек.

Но, помимо собственно административных вопросов, есть более глубокие, сущностные вещи, затрудняющие сегодня образовательное и научное сотрудничество России и Китая. И здесь нужно внимание юристов наших стран. Потому что речь идет не просто о различиях в наших законах, но о разных правовых традициях, разных юридических «картинах мира», разных способах видеть проблемы и находить решения.

Поясню на примере нашего совместного Университета.

Несмотря на политическую поддержку самого высокого уровня, на старте проекта оказалось, что национальные законы настолько противоречат друг другу, что это не позволяет выполнить волю руководителей наших стран. Чтобы дать Университету жизнь, Россия сделала жест доброй воли и внесла уточнения в свой федеральный закон (Закон об МГУ и Санкт-Петербургском университете).

Сейчас наш Университет успешно развивается, реализуя установки на привлечение высококлассных преподавателей и ученых мирового уровня для повышения качества высшего образования и университетской науки. *По такому показателю, как число научных достижений относительно численности студентов наш Университет стал бесспорным лидером среди университетов Китая и России.* (41 победа в международных конкурсах, 18 в общенациональных; например, вхождение в число

победителей Чемпионата мира по математическому моделированию, по экономике, лингвистике...)

Но на пути к таким результатам и поставленным амбициозным целям мы продолжаем сталкиваться с огромными правовыми и административными трудностями. Например, нашему совместному Университету, сама суть которого – в обучении студентов по программам МГУ, очень трудно привлекать в КНР российских преподавателей из-за несовпадения трудового, налогового, финансового и другого законодательства двух стран.

Сейчас законодательство устроено таким образом, что российский преподаватель или ученый так много теряет в своей родной стране, что эти потери не компенсируются ни высоким уровнем оплаты труда в Китае, ни возможностью работать на самом передовом исследовательском оборудовании.

Например, российский специалист, чтобы приехать в Китай, должен уволиться из своего университета без гарантий сохранения рабочего места. А время, проведенное в Китае, не включается в его трудовой стаж, что серьезно уменьшает размеры социальных выплат и будущих пенсионных накоплений. Крайне сложным и запутанным является налогообложение и перевод в Россию заработной платы, полученной в Китае. А командировка в Китай в условиях пандемии – это настоящий подвиг, потому что по приезду приходится проводить почти месяц в строгом карантине, что сказывается на работе, семье, уровне комфорта.

Эти проблемы касаются не только российских, но и других международных специалистов. И это затрудняет привлечение по-настоящему высококлассных ученых и профессоров мирового уровня.

Что можно было бы сделать с правовой и практической точки зрения?

Первое. Необходимо подумать о налоговых мерах, стимулирующих международный образовательный и научный обмен. Например, полезно рассмотреть вопрос о безналоговом режиме в части подоходного налога для преподавателей и ученых, участвующих в международном сотрудничестве.

Для этого достаточно внести изменения в налоговое законодательство России и Китая и действующее соглашение об избежании двойного налогообложения. Объем выпадающих доходов получается мизерный, а польза от такого решения была бы огромная.

Второе. Современные университеты функционируют как сложная система, которая включает образование, науку и инновации. Говоря о развитии высшего образования, мы обязательно говорим и о развитии прорывных научных исследований, о создании научных школ.

Но опыт последних лет показал, что попытки привлекать в китайские университеты на длительный срок маститых зарубежных ученых, в надежде, что давно состоявшийся исследователь обретет в новой стране вторую научную молодость, малоэффективны.

Прорывные открытия чаще делают молодые, но - под руководством мудрых наставников. Что можно было бы сделать? Максимально упростить обмен и стажировки молодых исследователей, студентов, аспирантов. Больше международных конкурсов исследовательских проектов для молодых ученых под наставничеством лучших ученых мирового уровня, в том числе через такой инструмент как *международные временные научные коллективы*, научные центры, базовые кафедры и лаборатории. В нашем совместном университете сейчас начинается такая работа, в частности по юридическим наукам.

Третье. Крайне важна стыковка, согласование цифровых финансовых технологий наших стран, они тоже должны работать на развитие сотрудничества – как образовательного, так и по всем другим направлениям.

Например, в России и Китае началось введение цифрового юаня и цифрового рубля. Как известно, есть технология так называемого «окрашивания» валют. Если её применить, то часть расчетов в цифровой валюте можно сделать строго целевой. То есть запрограммировать каждый цифровой рубль или юань так, чтобы его можно было потратить только на определенные цели. Такой трюк невозможно проделать с обычными

безналичными средствами. А вот цифровая технология дает государствам новые возможности для контроля за эффективным использованием средств, выделенных на образовательные проекты и международные научные гранты.

Четвертое. Необходимо подумать об особом, льготном режиме мгновенной конвертации и удобстве денежных переводов, связанных с образовательным и научным обменом.

Есть еще масса направлений. В общем, просто непечатый край работы для юристов!

Я уверен, что многие из названных мною проблем, существующих из-за несовпадения законодательства России и Китая, могут быть сняты заключением специального двухстороннего *межгосударственного соглашения, ратифицированного парламентами наших стран*. Только при таком подходе мы получим необходимую нормативную правовую основу, поскольку нормы ратифицированных международных соглашений имеют приоритет перед национальным законодательством и действуют прямо и непосредственно. Таким образом можно было бы быстро преодолеть различия в национальных законах и придать ускорение нашему образовательному сотрудничеству.

Мое выступление сегодня оказалось сугубо практическим, а потому в завершение (чтоб теоретики не скучали), я хотел бы в постановочном плане высказать две юридические гипотезы, они же - задачи на будущее, которые решить можно только совместно с представителями других наук – математиками, социологами, экономистами.

Первую задачу я бы назвал «Закон и справедливость».

Когда китайские коллеги перевели и издали в КНР нашу с Константином Петровичем Краковским книгу об истории Судебной реформы в России, я понял, что это знак судьбы, чтобы продолжить изыскания в области феномена справедливости. Причем, эти изыскания российские и китайские ученые должны проводить вместе, потому что именно в отношении к закону и справедливости наши народы абсолютно схожи.

Для русских понятие справедливости во внутренней системе ценностей стоит намного выше, чем закон и законность. Точно так же и для китайского народа. Если закон представляется несправедливым, он не будет принят людьми – он будет игнорироваться всеми способами. Отсюда идет правовой нигилизм, отсюда наши крылатые фразы про то, что суровость закона искупается необязательностью его исполнения.

Законы будут работать, когда они совпадают с категорией справедливости или хотя бы приближаются к ней. Как этого добиться – большой вопрос для теоретиков и практиков.

Вторая задача – как научить всех юристов говорить на одном языке.

Что я имею в виду?

Как известно, у математиков всего мира – один общий язык. А у юристов – фактически два языка. Я имею в виду континентальную и англосаксонскую системы права. Представители разных правовых семей мыслят, действуют, решают по-разному. Но мир глобализуется, и объективно начинается конвергенция систем. Все больше появляется фактов, когда возникают гибридные новеллы, гибридные подходы.

Думаю, что разные системы, разные «языки» права могут быть объединены на одной – цифровой – платформе, причем именно в КНР. Почему? Потому что КНР – в плане развития правовой системы очень удобное поле для конвергенции, синергии подходов. Право в Китае в целом, конечно континентальное, но уже 40 лет – экономическая, финансовая, рыночная и прочая практика фактически развивается в парадигме англосаксонской системы. Причем, не только в силу фактора Гонконга, но и по причине важнейшей роли Китая в глобальной системе мирохозяйственных связей, его колоссальной роли в мировой экономике. То есть, на практике в КНР уже происходит сближение двух систем права. При этом, китайские коллеги пишут и о том, что внутри страны романо-германская система права сталкивается с обычным правом, с традициями и обычаями, что также порождает разнообразные противоречия и требует специального внимания

Наверное, я слишком забегаю вперед, но все-таки мне представляется, что эволюционным путем с использованием цифровой платформы, технологий цифрового анализа больших массивов правовой информации (чтобы, образно говоря, судебные императивы превращать в нормы и наоборот) можно попробовать создать некую единую систему права, сблизить и объединить разные правовые системы. В нашем Университете эта работа будет вестись в содружестве со специалистами Факультета вычислительной математики и кибернетики.

А если вернуться к сотрудничеству юристов двух стран в контексте перспектив зоны опережающего развития в Шэньчжэне, то я считаю, что университетам Шэньчжэня было бы полезно получить **право на образовательные эксперименты**, получить свободу для внедрения новых, прорывных образовательных технологий и образовательных программ. Потому что сегодня возможность не то, чтобы опережать мировых конкурентов, но хотя бы просто идти в ногу с ними, ограничивается сложной и долгой процедурой лицензирования и внедрения всего нового. У России есть необходимый опыт в этой сфере, интересные новеллы в области правового регулирования научного развития и высшего образования, и наш Центр, как и сегодняшняя конференция, будут той платформой, на которой мы сможем обсуждать самые интересные и полезные идеи и прикладные правовые разработки.

Спасибо за внимание!